

КТО ПОКАЖЕТ ДОКУМЕНТЫ “МАТЕРЯМ ПЛОЩАДИ МАЯ”?

Мой визит в Гавану по приглашению Национального архива Республики Куба дал возможность не только подписать важное для обеих сторон соглашение о межведомственном сотрудничестве, но и посмотреть на ряд наших проблем как бы со стороны. Я много общалась с кубинскими архивистами по поводу общих профессиональных вопросов, в том числе открытости

архивов, и меня особо поразила история, рассказанная директором Национального архива Мартой Ферриоль Марченой о трагедии “матерей площади Мая”, ставшей общей болью для всей Латинской Америки.

В годы правления в Аргентине правой диктатуры было похищено и убито около 30 тысяч противников режима или просто людей, которых сочли нелояльными. 30 апреля 1977 г. в Буэнос-Айресе на площади Мая напротив здания правительства собрались несколько матерей и потребовали сообщить о судьбе своих пропавших детей. Вскоре инициатор собрания Асусена Вильяфлор была зверски убита, но это не остановило отчаявшихся женщин. Они начали собираться на площади каждый четверг, и никакие репрессии не могли остановить это движение, символом которого стала белая пеленка.

Уже давно нет в Аргентине диктатуры, многие инициаторы преступлений против собственного народа и рядовые исполнители осуждены и находятся в заключении. Но до сих пор “матери площади Мая” не могут получить доступ к ряду архивных документов госдепартамента и ЦРУ относительно тайных похищений в Аргентине. Не будем рассуждать, по каким причинам Вашингтон отказывается предоставить документы, которые смогли бы прояснить судьбу многих погибших в годы военной диктатуры (латиноамериканцы уверены, что это объясняется проводившейся в 70-х гг. ЦРУ операцией “Кондор” по передаче аргентинской диктатуре списков коммунистов и сторонников левых убеждений), но факт остается фактом. И можно сколько угодно

но взывать к необходимости “открыть архивы”, но когда речь идет о собственных интересах, США остаются абсолютно непреклонны.

Американцы понимают, что вопрос открытости архивов всегда крайне непросто, а прямолинейные действия могут принести вред национальным интересам, что доказывают и примеры из нашей истории.

Сразу после Октябрьской революции по настоянию занимавшего пост наркома иностранных дел Троцкого было принято решение об опубликовании всех секретных договоров, хранившихся в архиве российского МИДа. Реализовать это решение поручили матросу Маркину, специально для этого назначенного секретарем НКИДа. Балтийский матрос подошел к делу с революционным энтузиазмом – все секретные межгосударственные договора, найденные Маркиным в архиве на Певческом мосту, были опубликованы.

Ущерб – и ущерб колоссальный – это нанесло отнюдь не союзникам России по Антанте (сильный боится только силы), как задумывалось, а молодой советской стране. Достигнув ограниченных тактических результатов показом целей в войне бывших союзников, Советская Россия понесла неизмеримо больший и, главное, долговременный ущерб. В глазах всего мира она стала государством, с которым нельзя вести серьезный диалог, – ведь его неотъемлемой частью является сохранение конфиденциальности в определенных вопросах. Никто не признает даже ограниченно договороспособным государство, где при каждой смене власти обнаруживаются секретные договоры.

Впрочем, как известно, Троцкий особо и не скрывал, что государственные интересы РСФСР его несколько не интересуют, а дипломатию он вообще считал анахронизмом, который скоро исчезнет навсегда. Для него созданное революцией социалистическое государство было только связкой хвороста, предназначенного для разжигания костра мировой революции, остававшейся для Льва Давидовича навязчивой сверхидеей до конца жизни. Как-то он, рисуясь, сказал: “Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку”.

Из-за обнаружения секретных договоров малопривлекательное реноме сохранилось у Страны Советов на долгие десятилетия и стало одним из препятствий в осуществлении эффективной политики на международной арене. С огромным трудом Кремль доказывал внешнеполитическим партнерам, что для него незыблемая догма – обеспечение необходимой конфиденциальности в дипломатии и уже никогда не повторятся действия “соколов Троцкого”.

И другой случай: уже в послевоенный период один из сотрудников МИДа предложил Молотову обнародовать запись конфиденциального разговора с видным западным политиком, в котором тот поддержал советскую внешнеполитическую линию по ряду вопросов. Вскоре этот

политик стал публично выступать с резко антисоветских позиций, и таким образом предлагалось “пригвоздить его к позорному столбу” как двуличного лжеца. Министр крайне возмущенно отреагировал на предложение своего подчиненного, высказавшись в том духе, что потом “никто с нами не захочет иметь дела”.

Эти давние события вызывают у меня прямую аналогию с современностью, когда определенные силы у нас пытаются использовать архивы (которые по определению должны быть вне политики) в нечисто плотной игре. Именно поэтому так слышны истеричные крики весьма далеких от архивного дела и объективной исторической науки людей: “Открыть все архивы!”

К сожалению, из-за подобных “радетелей” проблема открытости архивов давно перешла из плоскости спокойного профессионального обсуждения в область дурно пахнущих спекуляций. На каком уровне выступают те, кто ратует за свободный доступ к архивам, иллюстрирует любопытный факт. Когда на организованном Государственной архивной службой “круглом столе” было сказано, что современная Украина юридически есть правопреемник УССР, это явилось для них абсолютным открытием. Оказалось, им был даже неведом закон “О правопреемственности Украины” от 12 сентября 1991 г., на котором базируется все современное международно-правовое положение нашей страны, включая незыблемость существующих границ и членство в ООН.

Для подобных “специалистов” пустой звук неоднократно озвученные мною данные о том, что только 0,24 % Национального архивного фонда имеют гриф секретности. Это один из наиболее низких показателей в мире (если не самый низкий), что свидетельствует о том, насколько обоснованна хорошо срежиссированная кампания по обвинению в “закрытости” архивов Украины. Само обнародование этой цифры уже говорит о максимальной открытости наших архивов: в большинстве западных стран многие открытые у нас данные являются закрытыми.

При этом нами предпринимаются все меры, чтобы, рассекретив максимальное количество документов, снизить и эту незначительную цифру. Мешают здесь чисто технические трудности. Согласно законодательству снять гриф секретности с документа может лишь та организация, которая его присвоила. Но ряд организаций давно ликвидированы, и у многих нет даже правопреемника. Это сильно замедляет процесс рассекречивания, но тем не менее мы его активно продолжаем. Несмотря на то что архивисты предельно загружены работой, находим возможность выделять сотрудников для проведения достаточно затратного по времени рассекречивания.

Но и сейчас в документах, которые сохраняют гриф секретности, нет никакой политики: это документация на стратегические объекты,

технологическая документация и тому подобные материалы, являющиеся секретными абсолютно во всех странах.

Во многих западных архивах засекречены как раз документы именно политического характера, и срок продления грифа секретности на них может произвольно продлеваться сколько угодно раз. В Украине подобный подход совершенно невозможен, и у нас в отличие от некоторых зарубежных архивов нет секретных документов периода Второй мировой войны (а там есть закрытые документы и значительно более раннего периода).

Кстати, у нас абсолютно невозможна и привычная для многих западных архивов (особенно США) практика, когда документ формально считается рассекреченным, но фактически рассекречены в нем только несколько строк, а иногда даже только название – все остальное густо замазано черным цветом как “не подлежащее оглашению”. Зато таким образом можно заявить о “полной открытости” даже сверхсекретных документов.

Но все же стоит задать принципиальный вопрос – является ли открытость архивов абсолютным приоритетом? Приоритетом, несмотря ни на кого и ни на что? Конечно, если руководствоваться узковедомственной логикой, было бы значительно проще открыть все и для всех. Это в огромной степени облегчило бы работу архивистов и оградило их от потоков клеветы, изливаемой лишь за скрупулезное выполнение служебного долга.

Чтобы ответить на данный вопрос, следует просто определить приоритеты. А это было сделано задолго до нас – еще две тысячи лет назад. Ответ – в Евангелии от Марка, и слова эти принадлежат самому Спасителю: “Суббота для человека, а не человек для субботы”. И для меня также очевидно, что в вопросе открытости архивов всегда должны доминировать не абстрактные идеологические построения, а интересы людей, защита их основополагающих прав.

Мы много общались с руководителем союза “Народная память” (объединившим все поисковые организации Украины) Ярославом Жилкиным о доступе к архивным документам, дающем возможность определить точные координаты мест боев периода Великой Отечественной войны. Бесконтрольный доступ к ним позволяет массовое разграбление “черными археологами” мест последнего упокоения павших воинов. Потом, после деятельности мародеров, поисковики находят раскиданные кости, что является подлинным кощунством, ответственность за которое предусмотрена, между прочим, Уголовным кодексом.

Нужно ли способствовать возможным правонарушениям? Логично ограничить доступ к таким документам, чтобы их не могли использовать, к примеру “черные археологи”. Что важнее в данном случае – открыть доступ всем желающим к документам, чтобы потом отрапорто-

вать о “полной открытости” архивов, или сохранить места захоронения солдат Великой Отечественной от разграбления, предоставив возможность поисковикам вернуть имена безымянным погибшим?

Это, конечно, частный случай. Но он иллюстрирует тезис о том, что есть более важные показатели, чем формальные цифры открытости. Эту тему мы также подробно обсуждали с руководителем правозащитной организации “Спільна мета” Русланом Бортником. Руслан Олегович был последователен в отстаивании позиции – абсолютный приоритет прав человека над чем бы то ни было, включая и неограниченный доступ к архивным документам. Я не могла не согласиться, что это должно стать безусловной аксиомой для любого госслужащего, всей государственной политики.

Подобная идеология, ставящая во главу угла права человека, позволила, кстати, принять закон о защите персональных данных, который ограничил доступ к ряду архивных документов. Это защитило наших граждан от несанкционированного доступа к информации о них, которая во всех цивилизованных странах является конфиденциальной. И в государствах, где такие законы действуют давно, никому и в голову не приходит обвинять архивы в том, что не все документы в них в свободном доступе.

У нас же именно за строгое соблюдение норм законодательства необоснованно критикуются архивисты. Например, согласно законодательству в делах незаконно репрессированных есть определенные ограничения на доступ к документам процессуального характера. Это, несомненно, правильно, учитывая специфику материала, включающего доносы, зачастую написанные самими близкими людьми. Не менее осторожно следует подходить и к обнародованию различных оперативных материалов, содержащих огромное количество грязи и в которых уже невозможно отделить правду от лжи. Не стоит таким образом открывать ящик Пандоры – для понимания истории такая информация интереса не представляет, но она способна влить в наше и без того больное общество дополнительную дозу всеразрушающей ненависти.

Это уже категории морали, которые, увы, далеко не всем доступны по определению. Недаром сейчас одним из наиболее активных критиков предлагаемых нами изменений в законодательство об архивах выступает человек, который в свое время, будучи членом КПСС, направлял верноподданнические доносы Андропову на “украинских националистов” и клеймил в своих произведениях ОУН-УПА. А теперь ничтоже сумняшеся возмущается, как это “коммунистка может возглавлять архивы”.

Волнуют ли таких – рассматривающих сограждан лишь как расходный материал для выстраивания своего благополучия при любом режиме – права людей и интересы государства? Напротив, они не упус-

тят любой возможности нанести удар по общественной стабильности. Показав свою полную неспособность управлять государством, они пытаются сейчас перевернуть государственный корабль, не дать провести жизненно необходимые реформы.

Для нас же впереди еще долгий путь. Его цель – использование архивов во благо человека и государства, а не для разрушения. До сих пор мы не в полной мере осознаем, каким невероятным духовным богатством являются отечественные архивы. Они не только лучший учебник по истории Украины, но и указатель в будущее – ведь даже дерево погибает, если обрубают его корни.

И всемерно донося архивные сокровища до людей, давая возможность каждому понять их бесценность для развития Украины, не будем уподобляться матросу Маркину.

**Председатель Государственной
архивной службы Украины**

Ольга ГИНЗБУРГ

Еженедельник 2000 № 12 23–29 марта 2012 г.